

АВТОРСКИЙ КУРС «ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ ЧАСТИЦ» В РАМКАХ МНОГОУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

И. А. Нагорный

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия

Представлена концепция авторского магистерского курса в свете новых подходов к преподаванию лингвистики в рамках уровневой системы образования. Описаны функции русских частиц применительно к заявленной проблеме, систематизирован комплекс прагматических смыслов, реализуемых русскими частицами в предложении-высказывании. Квалификация сообщаемого проанализирована как ментальная операция субъекта.

Ключевые слова: функции, русские частицы, магистерский уровень, уровневая система образования, модусные смыслы.

ORIGINAL COURSE “FEATURES OF RUSSIAN PARTICLES” WITHIN THE EDUCATIONAL MULTILEVEL SYSTEM

I. A. Nagorny

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

The author represents the concept of the author's master's course in the light of new approaches to the teaching of linguistics within the multilevel system of education. The functions of Russian particles in relation to the stated problem are described, a complex of pragmatic meanings, carried by Russian particles in an utterance, is systemized. The qualification of the communicated sense is analyzed as a mental operation of the subject.

Keywords: features, Russian particles, master's level, education system, modus meanings.

Магистерский уровень в системе образования дает возможность уделить должное внимание актуальным тенденциям в развитии современной лингвистики, позволяет выработать единые основания для взаимозачетов по специальным дисциплинам филологического профиля подготовки специалиста при интеграции конкретных магистерских программ университетов в общее образовательное пространство. Авторский магистерский курс «Функции русских частиц» в этом плане представляет несомненный интерес для рассмотрения.

Функциональный подход к анализу языковых явлений является вполне устоявшимся и имеет глубокие исторические корни в лингвистической науке как таковой, и в русистике

– в частности [Бондарко, 1984; Золотова, 1973; Нагорный, 2015]. В современных и традиционных исследованиях функциональный подход предполагает ориентацию на установление роли исследуемой единицы в составе единиц более высокого ранга [Теньер, 1988]. Причем роль единицы понимается в этом случае достаточно широко: со структурной, семантической и коммуникативно-прагматической сторон. Выделение двух типов функций – функций языка и функций элементов языка – обусловлено функционированием языка как знаковой системы [Солнцев, 1971].

Русские частицы, выражающие авторское отношение к достоверности, вероятности, возможности сообщаемого, рассматриваются в

рассматриваемом спецкурсе качестве функционального материала. Предлагаются для функционального анализа следующие группы русских частиц: собственно-предположительные (как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли); сомнительно-предположительные (едва ли, вряд ли); сравнительно-предположительные (будто, точно, словно, вроде, ровно); избыточно-предположительными (едва ли не, вряд ли не, чуть ли не); вопросительно-предположительные (разве, неужели, неужто); эвиденциально-предположительные (мол, дескать, якобы, де).

Интерес к данным частицам обусловлен ярким диссонансом между их конструктивно-модельным и коммуникативно-прагматическим статусами грамматически служебных и прагматически значимых элементов в предложении как конструкции и высказывании как образовании речевой сферы [Стародумова, 1997]. Структурная факультативность частиц, обусловленная морфологическим статусом служебного слова, грамматикализованность их значений отнюдь не мешает частицам быть семантически и прагматически емким, выполнять в речевом высказывании целый комплекс разноаспектных функций. Проследить причины, лежащие в основе этого интересного и важного языкового явления – одна из задач рассматриваемого магистерского курса.

Другая не менее важная задача заключается в том, что русские частицы вообще, и модальные частицы – в частности, один из коммуникативно востребованных в речевом процессе слов. Будучи служебными в грамматическом аспекте, русские частицы по употребительности уверенно занимают одно из первых мест в повседневном языке общения. Русская разговорная речь богата частицами, что неоднократно отмечалось отечественными языковедами [Шведова, 1960]. Неоднократно отмечалась сильная прагматическая составляющая в значении частиц, позволяющая грамматически служебному элементу выполнять в речевом высказывании облигаторную смысловую функцию – донесение до адресата прагматически обусловленных смыслов [Стародумова, 1997; Нагорный, 2016].

Интерес к знаковым функциям русских частиц базируется на том, что большинство семиотических теорий сосредоточено именно на описании знаковой системы языка в целом. Отдельные группы знаков, особенно знаков индексальных, описываются гораздо реже. Как правило, описание сосредоточено на знаках понятийных. Служебные знаки, к которым относятся и частицы, либо не опи-

сываются вовсе, либо описываются крайне односторонне, например, как формально-связующие элементы, экспликаторы определенного типа конструктивных отношений в предложении. Таким образом, частицы фактически как знаки не описываются – за ними признается лишь сугубо «оформительская» роль служебного элемента. В спецкурсе доказывается, что это не так.

Русские частицы как знаки вводятся говорящим в предложение-высказывание для обозначения чего-либо. Это ничто иное, как обозначение определенного вида отношений. Некая мыслительная операция субъекта фиксируется таким образом в предикативном знаке – предложении. Частица – одно из средств номинации ментальных действий субъекта, поскольку, обозначенными могут считаться не только предметы или явления, но также связи и отношения, в которых предметы или явления находятся друг по отношению к другу, а также по отношению к говорящему и адресату.

Одна из решаемых в спецкурсе задач – установить, что русские частицы, в частности частицы модальные, должны быть включены в группу знаков, основная функция которых заключается в обозначении в высказывании специфического, модального типа отношений между понятийными сущностями с точки зрения квалифицирующего эти отношения субъекта. Как и другие индексальные знаки, частицы не являются структурно обязательными элементами в предложении, то есть элементами конструктивно значимыми.

Однако структурная факультативность русской частицы, тем не менее, не является препятствием ее продуктивности употребления в речевом высказывании как знака коммуникативно сориентированного. Модальные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как индексы, при помощи которых говорящий осуществляет координацию своего высказывания к коммуникативно-прагматической ситуации в координатах «я – здесь – сейчас» [Бенвенист, 1974].

Частицы являются знаками речевого и мыслительного процессов. Данные формальные средства указывают на отражение в речевом высказывании некоего результата произведенной ментальной операции. Наличие частицы в высказывании свидетельствует об активизации процесса мышления субъекта. Частицы в данном аспекте – языковые орудия мышления субъекта. Для русских модальных частиц характерно употребление либо в высказываниях, выражающих относительно истинное суждение, либо в предложе-

ниях, косвенно базирующихся на суждениях относительно истинных.

Исследование комплекса логических функций подводит магистранта к пониманию того, что при помощи частицы как субъективно-модального квалификатора логическое суждение соотносится субъектом с параметральными характеристиками категорий возможности и вероятности. Применительно к предложениям с частицами нельзя точно установить, насколько более мотивированной является вероятность проявления некоего события по отношению к вероятности осуществления иного события, зафиксированной в другом предложении аналогичной же частицей. Это зависит, в принципе, не от значения частицы, а от целого комплекса прагматических факторов. Ведь одна и та же частица в разных высказываниях может фиксировать различную степень вероятности сообщаемого. Цель говорящего при введении в высказывание модальной частицы заключается не в обозначении конкретной степени вероятности, а в обозначении самого факта вероятности, в констатации говорящим собственного предположения, сомнения, кажимости относительно результата события. Поэтому степень уверенности в сообщаемом не может быть признана гарантом правомерности авторского предположения о чем-либо.

Частицы способны фиксировать особую разновидность суждений – свернутые (имплицитные). Данные суждения предполагают импликацию при помощи языкового средства предмета и предиката суждения. Такой вид суждения выражают, например, модально-ответные высказывания, подобные следующим: – Как ты думаешь, он вернется? – Вряд ли (В. Шишков); – Ты уверена? – Как будто... (В. Шукшин); Чем покорила Эмма Павловна ребят? Экзотичностью биографии? Вряд ли (газет. текст); Понимал ли, что оставаться дома было опаснее, чем отбывать на чужбину? Едва ли (газет. текст); – А ведь они вернулись со стороны подлеска? – Якобы... (журн. текст). Частица здесь – показатель логического предиката осуществленного суждения. При этом ответное высказывание никогда не фиксируется на полюсе нейтрально-констатационной достоверности. Модальные частицы фиксируют грань, за которой предшествующее суждение переводится в иной временной континуум и осмысливается говорящим с позиции «здесь» и «сейчас». В модально-ответных высказываниях выражено суждение, однако это, как уже отмечалось, суждение особого типа. Субъект и предикат в нем словесно не обозначены. Такое сужде-

ние имеет формально нечленимую структуру. Способность русских частиц фиксировать такое имплицитное суждение является их важнейшей функцией в русском языке. В этом плане рассматриваемые модальные квалификаторы должны быть квалифицированы не только как речевые, но и как языковые структурообразующие средства.

В спецкурсе детально рассматриваются коммуникативно-прагматические функции русских частиц. Причиной обращения к данным функциям явилась яркая субъективность высказываний с частицами, их яркая речевая выразительность, типичная представленность в них при помощи служебного элемента авторской точки зрения, позиции говорящего, его взгляда на квалифицируемое событие.

Исследование высказываний с русскими частицами убеждает, что данные модальные средства, не являясь ядерными элементами семантической структуры предложения, не могут характеризоваться как пропозитивно значимые элементы, однако они активно участвуют в уточнении семантической структуры предложения, в ее обслуживании, а иногда и в ее формировании, в результате чего способны трансформировать смысловое поле предложения-высказывания субъективно-авторскими характеристиками, выступая в роли уже не факультативных, а семантически облигаторных элементов.

Смыслы, генерируемые при помощи модальных частиц предложении, существенно конкретизируют объективные, диктумные смыслы, соотносят их с факторами говорящего и адресата, проявляют его позицию субъекта. Данные смыслы важны для речевого высказывания, так как выражают его субъективность, авторство, а последнее для речевого образования, в отличие от конструкции, модели, является определяющим.

Диктум и модус являются иерархическими смысловыми образованиями, имеют достаточно сложную структуру, включают ряд обязательных и факультативных компонентов. Однако будучи противопоставленными друг другу, диктум и модус не являются абсолютно чуждыми друг другу в едином смысловом пространстве речевого высказывания. Они взаимообусловлены, и эта обусловленность закономерна, что наглядно подтверждается при семантическом анализе высказываний с частицами. Последние интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса, объективного и субъективного слоев смысла. В высказыва-

ниях с русскими частицами объективный и субъективный слои смысла приближены друг к другу, взаимообусловлены. Диктум при помощи частицы как модального квалификатора сближается с модусом, служит развитию модусных смыслов, в результате чего модусные смыслы внедряются в диктум, усложняя его смысловую структуру.

Частицы как элементы модуса актуализируют диктум предложения посредством трансформации семантических полей пропозитивно значимых компонентов семантической структуры. Модусные смыслы, вводимые модальными частицами, в ряде случаев даже подчиняют себе диктумные смыслы, которые используются в этом случае не только для репрезентации события как такового, сколько в качестве смысловой базы, на основе которой реализуется сама субъективно-модальная квалификация события, происходит его прагматическая ориентация.

При исследовании группы модусных функций в рамках рассматриваемого спецкурса определяется коммуникативно-прагматический статус русских частиц и устанавливаются семантические характеристики субъективно-модальной квалификации как мыслительной квалификационной операции субъекта.

Модальные частицы фиксируют так называемую сниженную степень ответственности говорящего за достоверность сообщаемого. В узком смысле они – средства авторской квалификации события, фиксаторы одного из проявлений субъективного речевого начала. В широком смысле русские частицы – модусные показатели, формальные средства модусного смыслового плана предложения. Данные частицы являются элементами плана выражения модусных квалификативных категорий модальности, квалификативности, оценочности, эмоциональности, экспрессивности, авторизации. Данная смысловая перспектива развернута в аспекте персуазивной квалификации описываемого события. Персуазивные смыслы не являются статичными образованиями, в процессе коммуникации приобретают свойство изменчивости, трансформируемости. Данные смыслы характеризуются как динамичная, развивающаяся система, отвечающая требованиям речевого процесса и предназначенная для решения говорящим его коммуникативной задачи:

Русские частицы актуализируют в речевом высказывании прагматически обусловленный уровень смысла – указывают на существование в действительности предусловий (или первопричин), способствующих или

препятствующих, по мнению говорящего, осуществлению события в действительности.

Данные предусловия – это стимул к зарождению модально-кваликативного высказывания. Смысл, их фиксирующий, – принадлежность диктума. Он объективен, по сути, не является модусным смыслом, хотя и опосредованно соотносится с модусом. Указанный смысл нужно рассматривать как один из факторов сближения диктума и модуса, объективной и субъективной частей смысла в высказывании. В данном плане модальные частицы – элементы, снимающие четкую противопоставленность диктума и модуса. И это действительно так, поскольку говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что у говорящего имеются причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины заставляют говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

В авторском курсе делается попытка обосновать статус модусных смыслов, исследовать их природу, решить проблему структурированности, определить роль, отводимую субъективным смыслом в структуре общего смысла предложения-высказывания. Заметим также и то, что функциональный анализ заставляет более глубоко взглянуть на проблему исключительно грамматического подхода к изучению русских частиц. Непродуктивность такого подхода в аспекте универсализации анализируемых характеристик частиц в настоящее время очевидна. Русские частицы, как служебные элементы, проявляют себя в первую очередь на уровне речевого высказывания, что позволяет говорить о наличии у них особой, прагматически обусловленной семантики.

В методическом аспекте актуализация заявленных в магистерском курсе проблем видится значимой, поскольку последние: во-первых объясняют суть важных знаковых, логических и коммуникативно-прагматических аспектов изучения русских частиц как на языковом, так и на речевом уровнях; во-вторых, намечают важные перспективы многоуровневого анализа заявленных вопросов на уровне выпускных квалификационных работ; в-третьих, соотносят взятые для анализа вопросы с проблематикой смежных дисциплин; в-четвертых, помогут будущему преподавателю взглянуть на ряд привычных русскоязычных

зычному носителю языковых явлений с новой, порой весьма полезной стороны.

Введение указанного курса в учебный план подготовки магистра филологического образования оправдано тем, что слово в языке многофункционально. Слово в языке и речи выполняет комплекс разноаспектных функций, соотносенных как со значением слова, так и с той ролью, которая отводится слову в процессе коммуникации. Разноаспектность в рассмотрении функций слова, таким образом, представляется закономерной. Функциональный подход к анализу предложений с русскими частицами основывается на том, что последние являются носителями функций, отражающих различные аспекты отношения высказываемого к действительности. Функциональный подход помогает выявить то, с какой целью и каким образом говорящий квалифицирует высказываемое. В связи с этим актуальными представляются не рассмотрение лексико-грамматических значений частиц, а анализ способов их корректирующего воздействия на семантическое поле предложения. Это необходимо иметь в виду, так как выносимые на обсуждение проблемы составляют область человеческого фактора в языке.

Для преподавателя высшей школы, работающего в рамках двухуровневой системы образования рассматриваемый спецкурс видится полезным, поскольку, с одной стороны, помогает объяснить суть важных прагматических аспектов изучения частиц, а шире – служебных слов, на концептуальном и функциональном уровнях, а с другой стороны, намечает весьма определенные перспективы углубленного анализа актуализированных проблем на уровне магистерских диссертаций, соотнося взятые для анализа вопросы с актуальной проблематикой лингвистических дисциплин, базирующихся на кредитной оценке знаний студента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука 1973. – 351 с.
4. Нагорный И.А. Коммуникативно-прагматические функции русских частиц в тексте // Научный результат. Серия вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 50–57.
5. Нагорный И.А. Семантическая структура предложений с частицами. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 21(242). – Выпуск 31. – С. 9–14.
6. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
7. Стародумова Е.А. Русские частицы. – Владивосток: ДГУ, 1997. – 68 с.
8. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
9. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960. – 378 с.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196